

История

Арсений Замостьянов

О ПОБЕДАХ РУССКОГО МОРСКОГО ВОИНСТВА

О Гангутской победе

День военно-морской славы России, Гангутская победа, торжество упорства русского солдата и тактической мудрости Петра Великого, тогда ещё не императора. Победа была завоёвана ровно 300 лет назад, 26–27 июля 1714 года по старому стилю. Значит, в переводе на новый стиль — 6–7 августа. К сожалению, разработчики дней воинской славы России неверно перевели старый стиль в новый, и официально праздник отмечают на два дня позже реальной даты, 9 августа. Но мы-то знаем правду.

Место старинных полковых знамён — в музеях. Или они и сегодня поднимают нас в бой?

Ханко — полуостров и городок в современной Финляндии. Но для нас привычно другое произношение — Гангут. Так называл этот полуостров Пётр Алексеевич, заработавший в этих краях звание вице-адмирала.

Русский XVIII век дорог тем, для кого нет большей ценности, чем победа, чем продвижение вперёд. Звучное понятие — Российская империя — превращалась в континентальную реальность не за здорово живёшь. Каждый шаг — на пределе сил. Каждая пушка — на чьём-то горбу. В воздухе XVIII века перемешаны страсть к изысканности и простодушие. Этим петровская эпоха напоминает античный Золотой век — каким он остался в «Илиаде», в мифах о Троянской войне. Свою Трои герои российские взяли доблестным штурмом. Даже вельможное лицемерие, даже воровство той исполинской эпохи хранит обаяние простодушия.

Для тех, кто изысканное прозябание ставит выше поступка XVIII век — пора диковатая, варварская. Кровь под припудренным париком, крепостнические забавы, артиллерийский гром забывает уши... Но армия в те годы была — не поверите — средоточием

ИСТОРИЯ

просвещения. И светского, и церковного. Потому и побеждали русские, что под ружьём не чувствовали себя угнетёнными, напротив, познавали вкус победы, наматывали на ус науку. Если войны не отвечают потребностям народа (подчас неосознанным) — поражение неминуемо. Но если появляется плеяда выдающихся военных мыслителей, полководцев и солдат — значит, вершится миссия народа, миссия государства. И, несмотря на червоточины и шероховатости, будем изучать это время как историю баснословного успеха. При упоминании Петра Великого в воображении сразу возникает стук топора и запах корабельного дерева. И — море, покорённая Балтика.

Порывистый, впечатлительный, фанатически целеустремлённый царь Пётр Алексеевич идею строительства флота лелеял как заветное дело всей жизни. С детства он утвердил, что мощное государство без военно-морских сил немыслимо, а после поездки по Европе «заболел» флотом ещё сильнее. Военный флот наш первый император считал основой державной силы, он видел Россию распространённой от Балтики до Чёрного моря — и почти реализовал свои мечтания.

Многое было сделано для русского флота ещё в последние десятилетия XVII века. Не хватало главного: громких военных побед. Флоту необходимы легенды, необходима

яркая символика — Пётр знал толк в таких материях. После первоначальных поражений ему удалось воспитать армию в победном наступательном духе. Долго тянулась Северная война — и стала она университетом для солдат, офицеров и полководцев, которые за несколько лет прошли огонь и воду, извели вкус побед и поражений, походных лишений и победных пиров.

Потомки высоко вознесли первого русского императора — и потому частенько его пытались сбросить с пьедестала. Пётр был фанатическим государственным деятелем, ради идеи укрепления государства не жалел никого, начиная с себя. В известном смысле он приучил общество к массовому насилию. Но этим смысл его деятельности, а тем более — личности, не исчерпывается. От предшественников он отличался жаждой деятельности и демонстративной активностью. Почти всё, что нам дорого в истории и культуре Отечества последних трёх веков, связано с образом и деяниями Петра — начиная с Ломоносова и Румянцева, которых считали его незаконнорождёнными сыновьями. Вряд ли мы можем присоединиться к безоглядному культу Петра, который проповедовали даже некоторые наши гении. Ломоносов провозглашал прямодушно: «Он Бог был твой, Россия». Возможно, на каких-то исторических перекрёстках столь сильный гипноз царского величия полезен, но

и издержек у такой идеологии многовато. А ниспровергателям Петра стоит напомнить о флоте, о гвардии, о промышленном взлёте, о насаждении просвещения. Нельзя ограничивать нашу оценку императора сценами его пьянства и ярости. В его деяниях и указах можно найти немало мудрости и благородства.

К 1714 году Северная война продолжалась уже четырнадцать лет. Перелом наступил, русские дипломаты уже могли говорить со шведами с позиций силы. Но и шведы даже после Лесной и Полтавы не шли на соглашения, выгодные для России, их имперские устремления ещё не рассеялись. И Пётр продолжал теснить противника в битве за Балтику.

Россия к тому времени уже располагала балтийским флотом. Гребной флот эффективно помогал наступлению войск в Финляндии, вдоль побережья. Пётр довёл численность гребного флота до двухсот лёгких кораблей. Именно гребной флот в 1713 году перебросил русский десант к Гельсингфорсу (Хельсинки) — и город был захвачен.

У мыса Гангут стоял шведский флот — и был преградой для движения русских судов к Або, в Финляндию, где пребывал небольшой русский гарнизон. Для прорыва император подготовил гребной флот (около ста судов) с 15-тысячным десантом и корабельный, парусный флот, состоявший из 11 линейных

кораблей, 4 фрегатов и нескольких мелких парусников.

В конце июня гребной флот под командованием адмирала Фёдора Апраксина подошёл к Гангутскому полуострову и расположился в бухте Тверминне. Шведский адмирал Ватранг был готов к бою. Он выставил против русских 17 линейных кораблей, 5 фрегатов и небольшое количество гребных судов. Апраксин — надёжный сподвижник царя-реформатора, не знавший поражений — предлагал атаковать шведов двумя эскадрами, но Пётр посчитал излишним участие корабельного флота. Будущий император лично прибыл в Тверминне, чтобы разработать план баталии. Он изучил окрестности — и по картам, и собственными глазами. Несколько вариантов сражения было готово. Главное — удивить, ошарашить противника и обратить слабость нашего флота в преимущество, опёршись на выучку матросов.

Пётр Алексеевич продумал военную хитрость: приказал построить переволоку — деревянный помост через узкий перешеек суши, по которому лёгкие суда можно будет неожиданно доставить в тыл к шведам. Ватранг узнал о строительстве помоста — и направил навстречу русским несколько судов. Основные силы шведский адмирал разделил ещё на два отряда, один из которых направился в бухту Тверминне, чтобы атаковать рус-

ских. Пётр решил воспользоваться рассредоточением шведских сил — и прорваться мимо Гангута. Утром 26 июля, в штиль, авангард гребной эскадры — двух судов — энергично заработал вёслами. Безветренная погода затруднила положение шведов: они не могли приблизиться к русским галерам, а беспорядочный огонь успеха не приносил. Прорвавшиеся галеры заблокировали шведский корабельный отряд Эреншельда, ожидавший спуска русских кораблей у переволоки. Напрасно он их ждал: Пётр понял, что необходимость в этом манёвре отпала, он сыграл свою отвлекающую роль... Утром 27 июля, в туман, Апраксин начал прорыв основными силами. А потом Пётр возглавил атаку отряда Эреншельда, личным примером увлекая за собой матросов. «Вперёд, братцы!». С третьей попытки удалось навязать шведам абордажный бой. Их преимущество в артиллерии сошло на нет... Не раз Пётр тренировал бойцов, оттачивая мастерство абордажного боя, — и наука пригодилась. Царь не прятался ни от картечи, ни от сабельных ударов — вполне мог погибнуть.

Три часа шло напряжённое сражение. Шведы дрогнули под штыковым натиском, начали сдаваться. В результате русские захватили в плен все шведские корабли вместе с командующим контр-адмиралом Эреншельдом. Потери шведов составили 361 человек убитыми, 350 ра-

ненными, остальные были пленены. Русские потери в кораблях не имели — победа есть победа, а в личном составе потери оказались тоже немалые: 124 убитыми и 342 ранеными. И царь в тот день не жалел живота своего, сражался в соответствии с воинским званием шаутбенаха (флотского генерал-майора).

В Петербурге, куда с триумфом приведены были взятые у шведов суда, все участвовавшие в сражении офицеры и нижние чины были награждены медалями, а шаутбенах Пётр Михайлов (он же — царь и великий князь Пётр Алексеевич) произведён в вице-адмиралы. Сам герой неспроста называл Гангут второй Полтавой: победа позволила России хозяйничать в Финляндии и в Ботническом заливе, показала силу галерного флота, отменную выучку гребцов и абордажных бойцов.

Скептический ум скажет: а что такого случилось 300 лет назад? Битва отнюдь не грандиозная, абордажный бой, конечно, выдался кровавый, а где флотоводческое искусство? Но и для шведов, и для русских то была важнейшая схватка: и те, и другие понимали, что при Гангуте решается судьба Финляндии. Понимали, что русский прорыв будет грозить шведам высадкой десанта и на их земле. А будущий наш император продемонстрировал искусство предугадывать шаги противника.

Благородное слово «Гангут» навсегда останется в истории российского флота как пароль победы ещё и потому, что это было первое выигранное сражение — причём сражение стратегически важное. Первое! К тому же сам царь вёл в бой своих матросов — и это тоже подвиг необыкновенный. Ни отец, ни дед, ни брат Петра Алексеевича на такое не пошли бы. И мы через 300 лет вспоминаем военную хитрость Петра и Апраксина, отвагу и напор тех, кто одолел шведов в смертельной схватке.

В Петербурге, на Фонтанке, в Соляном городке, есть храм Святого Пантелеймона. Построена церковь по распоряжению императора, после Гангутской победы, которая случилась в день Святого Пантелеймона — 27 июля по старому стилю, 7 августа по новому.

Нынешний каменный барочный храм был построен по проекту архитектора Коробова через четверть века, на месте первоначального петровского. В храме можно увидеть воинские святыни, связанные с подвигами Северной войны. Память о Гангутской победе жива. Особенно сердечно отметили юбилей славной победы на Балтийском флоте: там и в наше время всё дышит традициями Петра.

Тендра — победа адмирала Ушакова

11 сентября — день воинской славы России. Годовщина победы русской эскадры под командованием Ф.Ф. Ушакова над турецкой эскадрой у мыса Тендра в 1790 году, в решающую кампанию Русско-турецкой войны.

Много лет память об адмирале Ушакове пребывала в запасниках народного самосознания. Так случилось, что ещё при жизни непобедимого адмирала на военно-морской флот в России махнули рукой. Император Александр понимал, что главные сражения наполеоновских войн произойдут вдалеке от морей. Все силы были брошены на усиление артиллерии, кавалерии, а моряки остались сиротами.

К тому же Британия — тогдашний союзник России — бросила все дипломатические силы на подрыв могущества российского флота. Лондон не нуждался в конкурентах. Фёдор Фёдорович Ушаков с болью воспринимал такую перемену в имперской стратегии. Политика императора Александра перечеркнула многие достижения Потёмкина, на наступательной морской политике Светлейшего поставили крест. Свой век заслуженный моряк доживал в забвении.

На Черноморском флоте непобедимого адмирала не забывали. Его ещё при жизни считали морским

ИСТОРИЯ

Суворовым, а сам Александр Васильевич любил Ушакова, как немногих ближайших соратников и учеников.

Вторая екатерининская русско-турецкая война стала золотым веком Черноморского флота, хотя поначалу состояние флота вызывало тревогу Светлейшего. Потёмкин досадовал, что турки не дали нам времени на достройку флота. Ещё бы год–другой... А так — Россия могла выставить против турок только две недоукомплектованные эскадры. Турция, между тем, располагала мощным флотом на Чёрном море.

Перед войной Потёмкину удалось преобразить армию — в немалой степени с помощью румянцевского «Обряда службы». Не успел Светлейший построить флот, сопоставимый с турецким: на море приходилось в высшей степени воевать не числом, а умением. Но и вторая екатерининская русско-турецкая война будет далека от максимы «Всё для фронта, всё для победы». Старались победить османов относительно малыми силами, без перенапряжения — учитывая и северную опасность, ведь летом 1788 года началась война и со Швецией.

Турки двадцать лет лихорадочно преобразовывали флот — с французской помощью. Россия значительно уступала Османской империи не только по количеству, но и по боевым качествам кораблей. Остава-

лось надеяться на военную науку, на таких командиров, как Ушаков. Потому-то и выдвигал его Потёмкин, не считаясь с интригами паркетных адмиралов.

К лету 1790-го русский адмирал уже заставил врага уважать силу русского оружия, а турки с ужасом произносили его имя на свой лад — Ушак-паша. Сколько сражений дал Ушаков — столько раз и победил.

В том августе русская эскадра вышла в поход.

Гусейн-паша мечтал о реванше. Его основные силы располагались вдоль берега от Гаджибея до мыса Тендры. Это в районе нынешней Одессы. Сила там собралась колоссальная: 14 линейных кораблей, 8 фрегатов, больше 20 других кораблей. Турки обнаружили русские корабли, идущие под парусами тремя колоннами. Гусейн-паша не решился атаковать. Он считал, что турки не готовы к сражению: Ушакову удалось по-суворовски использовать фактор внезапности. Турки рубят канаты — и спешно отступают, теряя впопыхах остатки армейской дисциплины. Ушаков надвигался на них как неотвратимое наказание. Турецкий авангард успел отступить далеко, но оставшиеся корабли оказались на грани гибели. Гусейн понял это и остановил отступление. Османы начали построение для баталии. В боевой порядок построились и русские корабли.

Неожиданно Ушаков выводит из линии три фрегата — «Иоанн Воинственник», «Иероним» и «Покров Богородицы». Это — оперативный резерв, который сковывает действия противника. Ушаков не раз уже использовал столь смелую новинку — и всякий раз турки не успевали предугадать ход его мысли.

У турок было больше огневой силы: 1400 пушек против 830-ти. Но ученики Ушакова палили с завидной точностью. А офицерам удавалось создавать на прорывных участках концентрированную пальбу, которая приводила противника в ужас. Адмирал дирижировал сражением самозабвенно и спокойно. Легко предугадывал действия османов — и молниеносно реагировал на любой ход Гусейна и его бойцов.

Флагманский корабль Ушакова «Рождество Христово» повёл бой с тремя кораблями — и вывел их из сражения. Турки уже в начале боя потеряли десятки моряков убитыми и ранеными, а из остальных сотни опытных вояк впали в панику.

За два часа усиленной перестрелки турки потеряли эскадру. На глазах Гусейна в щепки разлетелась корма его собственного корабля. С немалыми потерями турки организовали спешное отступление к Дунаю. Ушаков преследовал их вплоть до наступления темноты.

На рассвете оказалось, что фрегат «Амвросий Медиоланский» оказал-

ся в гуще турецких кораблей. Капитан Нелединский некоторое время следовал за турками, не поднимая флага. Он найдёт подходящий момент для резкого манёвра и невредимым вернётся к русской эскадре уже под Андреевским стягом.

Два многопушечных турецких корабля удалось захватить в плен. Не сдавался попавший в окружение флагманский корабль Сайдбея. Там завязался абордажный бой, в конце которого корабль взлетел на воздух вместе с казной турецкой эскадры.

Так завершилась двухдневная морская битва у мыса Тендра. Соотношение потерь поражает: в эскадре Ушакова все корабли остались целыми, немногие требовали ремонта. Погибших — 20 человек, немногим более раненых. А у турок — более 2 тысяч убитых. Турецкие моряки после такой пощёчины надолго потеряли веру в собственные силы.

Фёдор Фёдорович не был мастаком сочинять пространные реляции, но надиктовал приказ о благодарности морякам, которые сражались под его командованием при Тендре:

«За бывшее против Кочабейя минувшего августа 28 и 29 числа против флота неприятельского сражение при разбитии инога, о подорвании адмиральского и взятии в плен другого неприятельского корабля и ещё разного сорта трёх военных судов ордером мне его светлость

ИСТОРИЯ

объявить соизволил: за храбрые подвиги и искусные распоряжения наипризнательнейшую свою благодарность, которую приказал мне объявить и всем, находящимися со мною в бою сподвижникам, и уверить всех оных, что его светлость не оставит в полной мере о сих подвигах и службе их представить, о чём господам командующим кораблей, фрегатов и прочих судов, тож и всем штабс- и обер-офицерам и разных чинам, во флоте при сём сражении со мною находящимися, объявить. Приношу также и мою наипризнательнейшую благодарность и рекомендую завтрашний день для принесения всевышнему за столь счастливо дарованную победу моление всем, кому возможно, с судов быть в церковь Николая Чудотворца, священникам со всего флота быть же во оную церковь в 10 часов пополудни и по отшествии благодарственного молебна выпалить с корабля "Рождества Христова" из 51 пушки».

Для Фёдора Ушакова, как известно, богослужения не были данью традиции, православным он себя ощущал каждый день, а не только по воскресеньям.

Потёмкин ликовал. С Ушаковым он дождался своей Чесмы — не единичной виктории, но целой серии побед над превосходящими силами противника. Это он упросил

императрицу наградить героя Георгием 2-го класса: для нетитулованного флотоводца, отсутствовавшего в придворных раскладах, — награда высочайшая. Для Ушакова — наиболее дорогая. Щедро наградили и других морских офицеров.

Стратегический смысл победы — срыв блокады Дуная. Турки больше не смогут хозяйничать на этой великой реке. Начнётся совместное наступление русской армии и флота в придунайском краю.

Без Тендры ещё сложнее было бы Суворову взять Измаил.

В дружеском письме Фалееву эмоциональный Потёмкин не скрывал торжества: «Наши благодаря Богу такого перцу туркам задали, что любо. Спасибо Фёдору Фёдоровичу! Коли бы трус Войнович был, то он бы... у Тарханова Кута, либо в гавани». Нерешительность адмирала графа Войновича — вышестоящего флотоводца — вошла в поговорку на флоте.

Ушаков увидит результаты своих побед: Ясский мир, усиление Российской империи, обретение Крыма и всего черноморского побережья. Не понапрасну шли в огонь моряки, не зря отдавали все силы военной морской науке, которую адмирал Ушаков познал как никто из его современников.